УДК: 32:316.48 DOI: 10.12737/22697

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМИ КОНФЛИКТАМИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДОВ 2008–2009 ГГ. И 2014–2016 ГГ.)

Кольба А. И.[1]

В статье рассматриваются проблемы политического управления социально-трудовыми конфликтами в условиях кризисных периодов развития современной России. Актуальность данной проблематики обусловлена влиянием подобных конфликтов на общий уровень социально-политической напряжённости. В исследовании на основе сравнительного анализа выделяются общие и специфические аспекты их регулирования в период кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг., формы протестных действий.

Основное внимание уделяется деятельности государственных институтов в данной сфере, изучению их установок и управленческих стратегий. Автор приходит выводу об изменении позиций государственных структур в конфликтах такого рода. Происходит её эволюция: от преобладающей роли арбитра в масштабных конфликтах между работниками и работодателями к роли непосредственного актора, действия которого во многом способствуют формированию конфликтов. Этот процесс обусловлен такими факторами, как сокращение ресурсов, необходимых для урегулирования конфликтов, стремление локализовать социально-трудовые конфликты и не допустить повышения уровня протестной активности, в том числе на основе применения более жёстких стратегий противодействия, внедрения новых принципов социальной политики государства.

Ключевые слова: социально-трудовой конфликт, политическое управление, кризис, протест, политическая стабильность.

POLITICAL MANAGEMENT OF SOCIO-LABOR CONFLICT IN CRISIS PERIODS (A COMPARATIVE ANALYSIS OF 2008-2009 AND 2014-2016)

KOLBA A. I. – Doctor of Political Sciences, Docent, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation), e-mail: alivka2000@mail.ru

The article deals with the problems of political management of social and labor conflicts in crisis periods of the development of modern Russia. The urgency of this problem is due to the influence of such conflicts on the overall level of social and political tension. Based on a comparative analysis, some general and specific aspects of their regulation in the periods of crisis of 2008-2009 and 2014-2016, the forms of protest actions are revealed.

Much attention is paid to the activities of state institutions in this area, to the study of their settings and management strategies. The author comes to the conclusion of

Кольба Алексей Иванович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет; адрес: 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д.149; e-mail: alivka2000@mail.ru

the change in position of the state structures in such conflicts. There is its evolution from the dominant role of an arbitrator in large-scale conflicts between employees and employers to the role of a direct actor, whose actions contribute significantly to the formation of conflicts. This process is caused by such factors as the reduction of resources required to settle the conflict, the desire to localize the social and labor conflicts, and to prevent the increasing level of protest activity, including the application of more stringent policies, the introduction of new principles of social policy.

Keywords: social and labor conflict, political management, crisis, protest, political stability.

Конфликты в социально-трудовой сфере часто привлекают внимание исследователей, особенно в периоды кризисов, когда возрастает количество социальных проблем, связанных с безработицей, спадом производства, снижением уровня реальных доходов граждан и др. В то же время они становятся объектом приложения сил структур политического управления. Исторический опыт протестов, забастовочных акций, вызывавших порой тектонические подвижки социальной структуры, побуждает учитывать как риски, так и возможности, связанные с ними.

В современной России проблематика социально-трудовой конфликтности тесно связана с поддержанием сложившихся политических практик. Опыт 1990-х гг. демонстрирует, что без политической институциализации социально-трудовые противоречия, затрагивающие массовые интересы, могут стать чрезвычайно опасным фактором дестабилизации общественно-политической ситуации. Поскольку ориентиры политического развития в настоящее время задаются государственными структурами, прежде всего на федеральном уровне, их можно рассматривать в качестве ведущего актора политического управления в конфликтных ситуациях. В свою очередь, оппозиция, на каком бы политическом фланге ни находились её представители, рассматривает такие противоречия как ресурс собственного развития.

Специфика политического управления социально-трудовыми конфликтами, на наш взгляд, проявляется в том, что они являются точками возможного синтеза двух базовых составляющих протестного движения – условно-политической, основанной на борьбе за гражданские и политические права, и условно-социальной, связанной с борьбой за права экономические и социальные. В условиях экономического кризиса вероятность такого синтеза повышается, и, как показывает исторический опыт многих стран, в том числе и России, возрастает как влияние конфликтов такого типа на политический процесс, так и значение инструментов политического управления ими.

Как отмечает А. А. Кузьмина, социально-трудовой конфликт может происходить как на макроуровне, где возникает противоборство различных социальных сил, имеющих противоположные экономические и политические цели, так и на микроуровне, когда в конфликте задействованы интересы работников и работодателей[1]. Проблемы управления подобными конфликтами также рассматриваются в различных ракурсах. Можно выделить три основных направления:

– исследование социально-трудовых конфликтов на микроуровне, в контексте отношений «работодатель – работник» (в англоязычных исследованиях их часто называют «конфликтами

[1] Кузьмина А. А. Участие работников в управлении организацией как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов // Социально-трудовые конфликты в Российской Федерации: выявление, урегулирование, предотвращение: Материалы международной научно-практической конференции. 16–17 октября 2014 года, Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУП, 2014. – С. 70.

занятости» и «конфликтами на рабочем месте»[1]), в рамках которого анализируются преимущественно их правовые и психологические аспекты[2];

– на уровне отдельных предприятий и организаций, когда речь идёт о противостоянии руководства и трудового коллектива (т. н. «конфликты управления трудом»[3]), как правило, в контексте организационных проблем или изменений[4];

– на отраслевом уровне, при выходе на который подобные конфликты приобретают социально-политический резонанс и становятся объектами непосредственного приложения ресурсов политического управления (в отличие от ситуаций первых двух типов, где таковое осуществляется косвенно).

В рамках последнего направления в число субъектов социально-трудовых конфликтов включаются политические структуры, и прежде всего государство. Здесь, на наш взгляд, существуют две взаимосвязанных ветви дискуссий: влияние государственной политики в области трудовых отношений на конфликтные процессы в отношениях работников и работодателей в масштабе национальных экономик[5], а также роль социальных протестов,

---

[1]Honeyman C. Labor-Management Conflict. URL: http://www.crinfo.org/coreknowledge/labor-management

[2]См.: Лебедева Л. А. Управление трудовыми конфликтами в системе социально-трудовых отношений на предприятии: дис. канд. … эк. н. М., 2014; Щербаков И.Д. Конфликты в организации, причины их возникновения и способы разрешения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2014. – № 3; Калмыкова О.Ю., Гагаринская Г.П. Управление конфликтами в организации и профилактика профессионального стресса работников // Вестник Самарского государственного технического университета. – 2013. – №1 (7). – С. 120–130; Резник С. Д., Копякова Т. И., Черницов А. Е. Исследование трудовых конфликтов на предприятии: структура и причины возникновения // Управление экономическими системами: электроннный научный журнал. – 2012. – № 48 (12); Understanding the behaviour and decision making of employees in conflicts and disputes at work. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32212/11-918-understanding-behaviour-employees-conflicts-at-work.pdf; Ka Wai Chan, Xu Huang and Peng Man Ng. Managers' conflict management styles and employee attitudinal outcomes: The mediating role of trust //Asia Pacific Journal of Management. 2008. Vol. 25. № 2. Pp. 277-295; Workplace conflict and how businesses can harness it to thrive. URL: https://www.cpp.com/pdfs/CPP_Global_Human_Capital_Report_Workplace_Conflict.pdf; Workplace conflict management: awareness and use of the Acas Code of Practice and workplace mediation – A poll of business. URL: http://www.acas.org.uk/media/pdf/8/s/0811_Workplace_conflict_management-business_poll.pdf

[3] Honeyman C. Labor-Management Conflict. URL: http://www.crinfo.org/coreknowledge/labor-management

[4]См.: Медведева Т. А. Расширенный системный подход к исследованию социально-трудовых отношений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2013. – Т. 13, вып. 2; Артамонова М. В. Междисциплинарный взгляд на проблему управления трудовыми конфликтами в инновационной организации // Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие: Седьмая международная научная конференция; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник статей. – М.: Проспект, 2014. С. 479-487; Шиленко А. А. Роль профсоюзных организаций в профилактике социально-трудовых конфликтов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10. Ч. 1. – С. 209–215; Lipsky D. B. and Avgar A. C. The conflict over conflict management // Dispute Resolution Journal. 2010. № 65(2-3). Pp. 38-43; Xiang Qian Zhang, Cai Yi, Xuan Liu and Le Xia. Research on labor relations based on the theory of conflict management // Journal of Chemical and Pharmaceutical Research. 2014,. № 6(1). Pp. 369-374; Avgar A. Negotiated capital: Conflict, its management, and workplace social capital // The International Journal of Conflict Management. 2010. № 21(3). Pp. 236-259.

[5] Козина И. М. Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – № 4; Jacobs D. and Dixon M. The Politics of Labor-Management Relations: Detecting the Conditions that Affect Changes in Right-to-Work Laws. Social Problems. 2006. № 53. P. 118-137; Teitelbaum E. Introduction: The Political Management of Industrial Conflict. Mobilizing Restraint: Democracy and Industrial Conflict in Post-Reform South Asia. Cornell UP, 2011. Pp. 1–24.

вызванных противоречиями в социально-трудовых отношениях, в трансформациях государственной политики[1], и, в предельном случае, политического режима государства. Некоторые авторы также рассматривают социально-трудовые конфликты с массовым участием, прежде всего забастовки, в более широком контексте проявлений социально-политического протеста[2].

В рамках данного исследования мы считаем необходимым провести сравнительный анализ массовых социально-трудовых конфликтов, возникших в кризисные периоды 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг., с целью выявления следующих характеристик: масштаб и степень политизированности протестов, вызванных кризисными явлениями в экономике и социальной сфере; направленность государственной политики в сфере регулирования подобных конфликтов; участие различных политических сил в развитии конфликтов; их влияние на политическую ситуацию в стране в кратковременной и долгосрочной перспективе.

Социально-трудовые конфликты в 2008–2009 гг.: динамика и политическое управление

Вступая в кризисный период после весьма длительного экономического роста, российские акторы политического управления наверняка помнили об опыте предшествующего десятилетия, с началом которого «лавинообразное, почти по экспоненте расширение конфликтных зон в региональном и отраслевом разрезе сопровождалось образованием «горячих точек», переходом конфликтов на более высокие уровни и расширением их масштаба»[3]. Одним из приоритетов российских властей всех уровней в 2000-х гг. стало развитие социальной ответственности бизнеса и отношений социального партнёрства на предприятиях. В то же время в условиях сокращения пространства публичной политики, усиления контроля над информационными потоками видоизменяются механизмы управления социально-трудовыми конфликтами.

Наиболее ярким (возможно, даже знаковым) примером ситуации социально-трудового конфликта, вышедшего за рамки отношений «работники – администрация предприятия» в условиях данного кризиса, стали события в городе Пикалёво Ленинградской области, пришедшиеся на 2008–2009 гг. Этот конфликт представляет интерес прежде всего с точки зрения того, как взаимодействовали в нём органы власти различного уровня, владельцы и менеджмент предприятий, а также их работники. В городе практически прекратили работу сразу три крупных (градообразующих) предприятия, связанных единой технологической цепочкой, но находящихся в руках разных собственников. Это привело к масштабным акциям протеста

[1] Кацва А. М. Протестное движение рабочего класса // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С. 38–42; Шабанов Л. В., Антонова Е. Б. Соотношение экономического и политического факторов в трансформации социально-трудовых конфликтов современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2. Ч. 2. – С. 207–209; Соловьев А. В. Политические аспекты регулирования социально-трудовых конфликтов: тенденции и противоречия: дис. … канд. пол. н. М., 1999. 232 с.; Dixon M., Danaher W. F., Kail B. L. Allies, Targets, and the Effectiveness of Coalition Protest: A Comparative Analysis of Labor Unrest in the US South. Mobilization. – 2013 . – № 18 (3). –P. 331–350.

[2] Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в отечественной и зарубежной науке // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – №4 (116). – С. 3–12; Евтюхин Ю. А. Политическая забастовка как форма гражданского неповиновения // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 1–2. – С. 240–243.

[3] Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом» // Социологические исследования. – 1991. – № 3.

жителей города, которым не выплачивали зарплату, увольняли с предприятий (т.к. Пикалёво относится к числу «моногородов», возможности найти другую работу у них практически не было).

К эскалации конфликта привело отсутствие внимания к интересам протестующих со стороны региональных властей. Бывший в то время губернатором области В. П. Сердюков характеризовал ситуацию в духе «временных трудностей». В мае 2009 г. жители города перешли к более радикальным формам протеста. Они взяли штурмом здание администрации района, где проходило антикризисное совещание, и провели в нём стихийный митинг. Через несколько дней протестующие перекрыли движение по трассе Санкт-Петербург – Вологда, и в урегулирование конфликта пришлось вмешаться В. В. Путину. Глава правительства приказал выделить средства на выплату долгов по зарплате и восстановление работы коммунальных служб, а также понудил собственников градообразующих предприятий подписать соглашения, нацеленные на восстановление их функционирования. Обсуждалась и возможность национализации предприятий.

Данная ситуация позволяет выделить ряд проблем, существующих в сфере управления социально-трудовыми конфликтами. На местном уровне не было предпринято достаточных усилий для ведения переговоров с собственниками и представителями протестующих. Рассматривая основания конфликта, можно утверждать, что он был «запрограммирован» ещё на этапе разделения единого производства на звенья. У местных властей недостаточно ресурсов и полномочий для решения подобных проблем. Региональные власти ограничились мерами, позволявшими смягчить социальные последствия конфликта (ссуды для местного бюджета, передача на баланс региона городской ТЭЦ и т.д.)[1], но не затронувшими его сущности. Вероятно, они решили не вступать в конфликт с крупным бизнесом – собственниками предприятий. Таким образом, регулирующие функции органов власти выполнялись в недостаточном объёме.

Сложная ситуация, причём ещё в более крупных масштабах, сложилась в г. Тольятти в связи с проблемами градообразующего предприятия – АвтоВАЗ (2009 г.). Несмотря на поддержку со стороны правительства (повышение пошлин на ввоз иностранных автомобилей, выделение денег на покрытие долгов предприятия и т.д.), заводу пришлось значительно уменьшить объемы производства, сократить часть работников. Заработная плата стала выплачиваться нерегулярно, её размеры сократились. Всё это вызвало обострение социальных проблем в городе и переход работников к протестному движению. Стала возрастать активность независимого профсоюза «Единство», объединявшего часть работников предприятия и неоднократно организовывавшего в городе массовые акции против увольнений. На их стороне также выступили некоторые политические силы, в том числе КПРФ.

Реакция со стороны руководства компании и властных структур различных уровней отразила широкий спектр возможных методов конфликтования: от запретов и ограничений до переговоров в поисках компромисса. Так, глава госкорпорации «Ростехнологии», владеющей блокирующим пакетом акций автозавода, С. Чемезов назвал акцию протеста провокацией со стороны бывших хозяев завода[2]. Мэр Тольятти А. Пушков в июле 2009 г. внес на рассмотрение в Самарскую областную думу поправки к региональному Закону «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия», ужесточавшие требования к организаторам массовых акций (отметим, это произошло задолго до того, как подобные меры стали трендом на

[1] Новиков В. Пикалёвский узел. – URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_ monitoring/comments/ document10944.shtml

[2] Чемезов назвал акцию протеста в Тольятти провокацией. – URL: http://www.rosbalt.ru/2009/08/06/ 661386.html

федеральном уровне)[1]. Однако на практике конфликтное взаимодействие происходило в более мягких формах. Митинги, проводимые недовольными ситуацией на предприятии рабочими, не запрещались и не подвергались попыткам разгона. Федеральные структуры развили большую активность в урегулировании кризиса, что выразилось в проведении совещаний на уровне вице-премьера Правительства РФ И. Шувалова, создании специальной комиссии из федеральных чиновников, призванной активизировать и контролировать деятельность региональных властей. В этот период Н. Зубаревич отмечала, что в области фактически введено ручное федеральное управление[2].

Непосредственно по отношению к АвтоВАЗу был предпринят ряд мер, в основном инициированных федеральным правительством: активные финансовые вливания, включение в федеральную программу льготного автокредитования, начало сотрудничества с компанией «Рено»3. Это позволило вывести его из предбанкротного состояния, хотя и не привело к полному преодолению кризисных явлений.

Социально-трудовые конфликты 2014–2016 гг. в условиях новой политической и экономической реальности

Кризисные явления, отмечаемые в российской экономике на фоне обострения внешнеполитической ситуации, в частности введения экономических санкций и контрсанкций, а также в условиях складывания более жёстких подходов к регулированию внутриполитических процессов, порождают напряжённость в социально-трудовой сфере. Наряду с падением доходов граждан и ухудшением их экономических перспектив этому способствуют и действия органов государственного управления, проводящих реформы в отдельных сферах экономики, порождающие у значительной части занятых в них людей негативную реакцию.

Как отмечают российские исследователи, уже в 2014 г. социально-трудовые конфликты возникали в двенадцати отраслях российской экономики. Основными причинами таких конфликтов стали: полная невыплата заработной платы (51,5%), низкий уровень оплаты труда (21,2%), сокращение работников (21,2%), нарушения условий труда (13,6%). Таким образом, основная причина, по которой происходит более 70% из них, – невыплаты, задержки и низкий уровень заработной платы[4].

Количество протестов возрастает из-за неразрешенности их на стадии возникновения, а это значит, что меняется и качество протестов – из чисто экономических в политические. Необразованность (часто демонстративная) руководителей и непрофессиональные, зависящие от личных обид и амбиций действия управленческого персонала по вопросу конфликтного поведения приводят к жалобам со стороны работников в органы власти[5]. Однако модели поведения этих последних в сфере регулирования конфликтных отношений не всегда способствуют их конструктивному развитию.

---

[1] В Самарской области может быть ужесточен закон о митингах. – URL: http://www.pravo.ru/news/view/15044/

[2] Пушки вместо Lada. URL: http://problem.er.ru/antic/text.shtml?10/1430,110231

[3] Самые важные шаги АвтоВАЗа по выходу из кризиса. – URL: http://sobesednik.ru/incident/20140126-samye-vazhnye-shagi-avtovaza-po-vykhodu-iz-krizisa

[4] Колмакова И. Д., Колмакова Е. М., Микрюкова А. С. Отраслевые и региональные факторы регулирования социально-трудовых отношений в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 1 (356). Управление. – Вып. 10. – С. 121.

[5] Шабанов Л. В., Антонова Е. Б. Соотношение экономического и политического факторов в трансформации социально-трудовых конфликтов современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (52): в 2-х ч. ч. II. – С. 207–208.

Примером конфликта, связанного с «политикой оптимизации» работы определённой отрасли, можно назвать протесты московских врачей против решения о реформе городской системы здравоохранения. Её суть заключается в сокращении числа мест в больницах в пользу перенесения центра тяжести лечения больных на поликлиники по месту жительства, а также на профилактику заболеваний. Планировалось перенести основную финансовую тяжесть на фонды обязательного медицинского страхования, сократив при этом дотации из бюджета. При этом предполагалось сокращение числа врачей в больницах, а нагрузка на работающих в поликлиниках возрастала. Одной из целей реформы де-факто стало сокращение государственных расходов на здравоохранение. Москва выступила в роли экспериментального региона для проведения общероссийской реформы.

Причиной начавшихся волнений среди медперсонала города стала попавшая в прессу информация о планах городских властей закрыть ряд медучреждений (всего 28, из них 15 больниц)[1]. Так как план реорганизации содержал пункт об отказе правительства от оперативного управления комплексом зданий[2], в которых расположены больницы, это вызвало подозрения о желании освободить таким образом значительные площади недвижимости в престижных районах города с целью последующей продажи.

Московский Департамент здравоохранения и вице-мэр города Л. Печатников отстаивали позицию, согласно которой реформы проводятся на основе объективных потребностей отрасли и пациентов и направлены на повышение эффективности медицинского обслуживания. В частности, речь шла о том, что больницы будут не закрывать, а преобразовывать и укрупнять[3]. Однако работники медицинской сферы с недоверием отнеслись к этим планам, что привело к проведению ряда протестных акций. Первой из них стал митинг на Суворовской площади 2 ноября 2014 г. По независимым оценкам, в нём приняли участие около 6 тыс. медработников, а также представители оппозиционных политических партий. По многочисленным свидетельствам медработников, администрации больниц настоятельно рекомендовали врачам не выходить на митинг. В день его проведения в городе был объявлен День здоровья, что обусловило необходимость выхода на работу большего числа врачей и медперсонала[4]. Организация и проведение митинга координировались движением «Вместе – за достойную медицину!» и профсоюзом «Действие» [5].

В резолюции митинга содержалось требование отставки Л. Печатникова, руководства Департамента здравоохранения Москвы, требование проведения общественного обсуждения состояния системы здравоохранения с привлечением медиков6. При этом руководители Департамента здравоохранения г. Москвы отказались встретиться с митингующими. По словам

[1] См.: План-график реализации структурных преобразований сети медицинских организаций государственной системы здравоохранения города Москвы в части высвобождения имущества. URL: http://rusmedserver.com/wp-content/uploads/2014/10/plan_zdrav_mos.pdf

[2] См.: Московские власти планируют ликвидировать 28 больниц и роддомов. – URL: http://medportal.ru/mednovosti/news/2014/10/16/442licv/

[3] В чём суть реформы здравоохранения в Москве? – URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/1367167

[4] Почему врачи выходят на митинг – объясняют хирурги, педиатры и ученые. – URL: http://gorod.afisha.ru/changes/pochemu-vrachi-vyhodyat-na-miting-obyasnyayut-hirurgi-pediatry-i-uchenye/

[5] Московские врачи провели митинг за доступную медицину. – URL: http://mosday.ru/news/item.php?347617

[6] В Москве прошел митинг врачей против ликвидации больниц. – URL: http://www.novayagazeta.ru/news/1688958.html

пресс-секретаря ведомства Э. Николаевой, «конструктивных требований и предложений там не прозвучало»[1].

После этого реформа здравоохранения подверглась критике, в том числе на уровне федеральных органов власти[2]. Московские власти во взаимодействии с «Профсоюзом работников здравоохранения Москвы» приняли комплекс мер, направленных на то, чтобы снять социальную напряженность вокруг реформы. Так, мэрия приняла решение выплатить высвобождаемым работникам от 200 до 500 тыс. рублей в качестве единовременного пособия. Кроме того, работники медучреждений, которые согласились пройти переобучение, могли получать стипендию в размере 30 тыс. рублей[3]. 30 ноября 2014 г. в Москве состоялись шествие и повторный митинг врачей. На этот раз в нём приняли участи представители ряда оппозиционных политических сил, а также выдвигались политические лозунги (отставка правительства и др.)[4]. 14 декабря 2014 г. была организована ещё одна подобная акция[5].

Московские власти пошли на отдельные уступки протестующим, но в целом план и реализация намеченной реформы прошли без изменений. Оценки её результатов различными субъектами серьёзно отличались. К примеру, эксперты регионального отделения Общероссийского народного фронта пришли к выводу, что специализированная медпомощь в столице становится менее доступной[6]. В мэрии Москвы результаты реформы, напротив, оценили как «прекрасные»[7].

Осенью 2015 г. московские власти объявили, что серьёзных изменений в системе здравоохранения города больше не предвидится[8]. Однако независимые организации медиков отреагировали на это новым митингом 29 ноября 2015 г. В его повестке дня значились такие проблемы, как закрытие медучреждений и сокращение медицинских работников в Москве; сокращение времени пребывания больных в стационаре; планируемые в 2016 г. новые сокращения врачей; падение реального уровня зарплат медиков; административное преследование врачей, ставших активистами протестных акций; дефицит средств на здравоохранение; планы Министерства финансов РФ ограничить количество бесплатных посещений медучреждений и вызовов «скорой помощи» для работающих граждан[9]. Таким образом, здесь сочетаются проблемы регионального и федерального уровней.

Ещё одной резонансной ситуацией социально-трудового конфликта стали протесты водителей грузовых автомобилей («дальнобойщиков»), связанные с введением новой системы

---

[1] «Заболел — застрелись». В Москве прошел массовый митинг против реформы здравоохранения. – URL: http://lenta.ru/articles/2014/11/02/fromrussiawithlove/

[2] Митинг врачей в Москве 2 ноября был услышан властью. – URL: http://ekb.dk.ru/news/miting-vrachey-v-moskve-2-noyabrya-byl-uslyshan-vlastyu-236900224

[3] Московский митинг врачей превратился в политическую акцию оппозиции. – URL: http://www.rosbalt.ru/moscow/2014/11/30/1343259.html

[4] Шествие медиков 30 ноября в Москве: на акцию протеста вышли 5 тысяч врачей. – URL: http://www.topnews.ru/news_id_73406.html

[5] В Москве прошла очередная акция врачей против реформы и сокращений. – URL: http://txt.newsru.com/russia/14dec2014/vrachi.html

[6] Народный фронт объявил результаты реформы здравоохранения: в Москве стало меньше психиатрических и тубдиспансеров. – URL: http://www.newsru.com/russia/03jul2015/front.html

[7] Заммэра Москвы: оптимизация здравоохранения в столице завершилась с хорошими показателями. – URL: http://tass.ru/obschestvo/1998769

[8] Печатников: Серьезных перемен в московском здравоохранении больше не будет. – URL: http://www.rg.ru/2015/11/23/pechatnikov-site.html

[9] 29 ноября в Москве пройдет митинг «Право на жизнь!». – URL: http://rusmedserver.com/?p=2996

оплаты их проезда по федеральным трассам. Эти акции охватили ряд регионов России. Данная система была введена в действие 15 ноября 2015 г. для автомобилей весом более 12 тонн. Она получила название «Платон». Правительством была установлена плата 3,75 рубля за километр поездки, хотя Министерство экономического развития РФ рекомендовало установить цену 64 копейки за километр. Власти ряда регионов РФ обратились в правительство за разрешением ввести плату и за проезд по региональным дорогам[1].

Оператором системы взимания денежных средств стала компания «РТ-Инвест транспортные системы» (РТИТС), 50 процентов в которой принадлежит сыну крупного бизнесмена А. Ротенберга Игорю Ротенбергу. Исходя из утвержденного правительством тарифа, в течение первого года планировалось собрать 50 миллиардов рублей[2]. Такой тип внедрения новой системы, основанный на принципах частно-государственного партнёрства, породил, однако, негативную реакцию не только у непосредственно заинтересованных структур (в первую очередь, это некрупные автоперевозчики), но и в широких слоях общества.

Накануне введения новой системы её недостатки активно обсуждались в профессиональной среде водителей большегрузных автомобилей, в том числе в социальных сетях Интернет. В ноябре 2015 г. в различных регионах России (Красноярский край, Республика Дагестан, Свердловская, Ульяновская, Ростовская области и др.) начались протесты водителей, в ряде случаев координируемые профсоюзными организациями. Анализ выдвинутых ими претензий позволяет выделить несколько групп.

Недовольство самим фактом появления и ставкой нового сбора. По мнению водителей, он приведёт к значительному росту расходов на перевозки, что грозит как повышением цен на перевозимые товары, так и снижением доходов перевозчиков.

Недовольство тем, что часть собранных денег будет составлять доход частной коммерческой структуры. Водители опасаются, что их деньги будут использованы не по целевому назначению, а РТИТС будет выступать в качестве посредника в отношениях с государством, в чём нет необходимости.

Недовольство сбоями в системе «Платон», которые неизбежны на раннем этапе, а возможно, и впоследствии. Подобные сбои приведут к срывам поставок, невыполнению договоров. В целом, по мнению водителей, система создаёт неудобство, лишая перевозчиков необходимой гибкости в их деятельности, а также во многом ставя их в зависимость от качества связи с системой.

В свою очередь, официальные лица государства утверждают, что создание подобной системы оплаты перевозок соответствует мировой практике и не станет серьёзной проблемой для отрасли. Однако с началом внедрения системы некоторые из них стали признавать необходимость корректировки и отладки её работы[3]. В то же время в СМИ стали появляться публикации, доказывающие плюсы системы «Платон» и указывающие на своекорыстный характер требований водителей[4].

---

[1] Деньги для «Платона»: как будет оплачиваться проезд по федеральным трассам. – URL: http://www.zr.ru/content/articles/793208-dengi-dlya-platona-kak-budet-oplachivatsya-proezd-po-federalnym-trassam/

[2] Сын Ротенберга соберет плату с грузовиков при помощи «Платона». – URL: http://lenta.ru/news/2015/06/10/platon/

[3] Алексей Улюкаев не в восторге от введения платы с 12-тонников. – URL: http://www.rostransport.com/news/11005/

[4] Наведут мосты. Первые сборы «Платона» пойдут на региональные дороги. – URL: http://www.rg.ru/2015/12/09/platon.html

Можно выделить следующие формы протеста водителей: забастовки (в виде отказа от профессиональной деятельности на определённый период), митинги, попытки перекрытия федеральных трасс, замедление движения и создание «пробок» на дорогах, попытки встретиться с чиновниками регионального и федерального уровней, распространение призывов к забастовке через Интернет. Ими были сделаны попытки провести забастовочные акции в Москве, однако, по заявлениям потенциальных участников, большая часть автомобилей задерживалась работниками ГИБДД на границах областей или на дальних подъездах к столице. В начале декабря 2015 г. дальнобойщикам удалось частично перекрыть МКАД с помощью системы движения, которую они назвали «улитка» (несколько грузовых автомобилей занимают большую часть полос движения и едут с малой скоростью)[1].

Участникам забастовочного движения удалось добиться существенных результатов. Председатель правительства Д. Медведев подписал постановление, изменяющее порядок взимания платы с транспортных средств массой свыше 12 тонн. Согласно новому регламенту, за каждый километр до конца февраля 2016 года с дальнобойщиков будут взимать 1,53 рубля, а не 3,73 рубля, как планировалось ранее. Но уже с 1 марта 2016 года до 31 декабря 2018 года стоимость проезда по трассам для грузовиков массой свыше 12 тонн составит 3,06 рубля за километр[2]. Кроме того, были многократно снижены штрафы за отказ пользоваться системой «Платон»[3]. Однако большинство официальных лиц отказываются от встреч с организованными группами водителей, переговоры о корректировке введённой системы с ними не ведутся.

Часть водителей-дальнобойщиков, создавших лагерь в подмосковных Химках, продолжила активный протест до февраля 2016 г. В частности, они организовали Всероссийскую забастовку с участием водителей из 43-х регионов. Основными лозунгами были отмена «Платона», мораторий на повышение тарифов ЖКХ на два года, возвращение льготного проезда для пенсионеров и инвалидов, отмена платы за капремонт[4]. Можно отметить расширение проблематики протеста, включившей в себя сюжеты, непосредственно не связанные с его первоначальной причиной. 16 февраля 2016 г. вице-премьер Российского правительства А. Дворкович объявил, что льготный тариф в системе «Платон» за проезд грузовиков по федеральным трассам будет сохранен после 1 марта[5].

Общественное мнение неоднозначно настроено по поводу протестов водителей большегрузных автомобилей, но определённая поддержка их действий фиксируется. Так, по данным опроса «Левада-центр», акция дальнобойщиков в Москве была поддержана 70% москвичей[6]. При этом они выдвигали больше социально-экономических, чем политических, лозунгов, хотя перерастание протеста в политический было не исключено[7]. Однако в целом конфликт находится на стадии затухания.

---

[1] Дальнобойщики заняли МКАД: как водители грузовиков протестуют в Москве. – URL: http://www.rbc.ru/photoreport/04/12/2015/566190b69a79475694ba2321

[2] Дальнобойщики бастуют по всей России // http://www.kommersant.ru/doc/2851355

[3] Госдума снизила штрафы для дальнобойщиков в 100 раз. – URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5661af009a79478002e9fb2b

[4] Дальнобойщики анонсировали Всероссийскую забастовку для отмены «Платона». – URL: https://m.lenta.ru/news/2016/02/20/trucker/

[5] Дворкович сообщил о сохранении льготного тарифа для дальнобойщиков. – URL: https://lenta.ru/news/2016/02/16/platon_freeze/

[6] Протест дальнобойщиков поддержали более 70% москвичей. – URL: http://www.rbc.ru/society/09/12/2015/56686ce49a79472a71fde01b

[7] Медведева предупредили о подорожании продуктов из-за «Платона». – URL: http://lenta.ru/news/2015/12/10/ platon/

На примере данных конфликтных ситуаций мы видим, что в развитии и регулировании противоречий в системе отношений «государство – работодатели – наемные работники» в настоящий период наблюдаются определённые особенности. Они связаны в первую очередь с тем, что в условиях сокращения ресурсов, вызванного спадом экономики, государство не только не может урегулировать подобные конфликты путём финансовых вливаний, но и, напротив, вынуждено сокращать собственные расходы и увеличивать налоговую нагрузку. Это ведёт к реформированию отдельных отраслей экономики, что воспринимается их работниками как угроза собственному благополучию и профессиональному будущему. В условиях кризиса такое положение вещей способно привести к массовым протестным акциям. Специфика регулирования данных конфликтов связана также с ограниченным применением технологий конструктивного регулирования, таких как переговоры, согласительные комиссии и др. Государственные структуры, даже идя на определённые уступки, не признают протестные группы стороной конфликта и не проявляют желания достигать с ними каких-либо договорённостей. В дальнейшем подобная тактика также может привести к росту деструктивности конфликтов.

Обсуждение и выводы

На основе проведённого исследования можно утверждать, что акторы политического управления в период кризиса 2008–2009 гг. прилагают усилия в двух направлениях: решение социальных вопросов, приведших к открытому конфликту (главный из них – безработица), а также устранение или смягчение экономических проблем, являющихся базой кризиса. Непосредственно политические требования в этот период выдвигаются относительно редко и затрагивают взаимоотношения с работодателями, а также местными и региональными властями. Федеральные структуры выступают в качестве «третьей стороны», администрирующей конфликты, и благодаря относительной кратковременности кризиса и наличию финансовых резервов не допускают их эскалации и расширения. Протестующие предпочитают обращаться непосредственно в высшие эшелоны власти. Участие негосударственных акторов, кроме профсоюзов, ограничено. Информационное освещение конфликтов осуществляется в позитивном для федеральных властей ключе, центр тяжести переносится на саму проблемную ситуацию и ответственных за неё на более низком уровне (менеджмент и владельцы компаний. Местные и региональные власти). Конфликты рассматриваются как отдельные точки социальной напряжённости, вызванной стечением обстоятельств и не связанной напрямую с ситуацией в экономике и социально-политической сфере.

В 2014 – 2015 гг. на федеральном уровне транслируется установка на недопущение открытых массовых выступлений граждан, в том числе в форме санкционированных митингов. Так, глава Администрации Президента РФ С. Б. Иванов на встрече с вице-губернаторами субъектов РФ, курирующими внутреннюю политику, в декабре 2014 г. сказал, что «лучше слушать критику в тиши кабинета, чем на площади перед ним». При этом было обращено внимание на необходимость вести диалог с гражданами. Однако некоторые из участников встречи отмечали наличие в своих регионах ангажированных групп, с которыми невозможно вести диалог[1]. Таким образом, возникает угроза восприятия отдельных групп граждан как неконструктивной оппозиции, требования которой не заслуживают внимания. По мере увеличения числа таких групп данный подход может становиться всё более опасным.

[1] Галимова Н. Вице-губернаторов предостерегли от митингов. – URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/12/01_a_ 6324265.shtml

С началом экономического кризиса в федеральном и региональном бюджетах остаётся значительно меньше средств, с помощью которых можно было бы удовлетворять требования протестующих. Напротив, государство, стремясь сокращать бюджетные расходы, приступает к реорганизации систем здравоохранения, образования и других отраслей, что вызывает рост протестных настроений в них. Кроме того, крупный бизнес, ориентированный на получение государственных заказов, стремится возместить свои потери от кризиса, находя новые сферы приложения своих усилий. Совокупность этих факторов обуславливает рост социально-трудовой конфликтности в регионах России.

Таким образом, происходит определённое изменение роли государственных структур (в первую очередь – федеральных) в управлении подобными конфликтами. В первый из рассматриваемых периодов они, скорее, стремятся к тому, чтобы смягчить последствия неудовлетворительных решений крупного бизнеса, выступая в роли посредников и арбитров в его отношениях с работниками. Массовые социально-трудовые конфликты улаживаются без применения радикальных мер (массовые сокращения работников, банкротства предприятий и т.д.). Напротив, ощущается стремление сохранить статус-кво, пусть даже ценой потерь федерального бюджета.

В новых экономических и политических условиях ситуация выглядит по-иному. Федеральные структуры сами запускают процессы в сфере социально-трудовых отношений, чреватые ростом конфликтности, или поощряют подобные действия на уровне регионов. Используются и более жёсткие стратегии поведения по отношению к протестующим, однако с ограниченным применением силового компонента. Власти скорее пытаются не допустить их консолидации и роста социальной поддержки со стороны других общественных групп. При этом чётко просматривается установка на отказ от прямых переговоров с представителями протестующих. Видимо, здесь сказываются опасения, вызванные практикой «цветных революций», в логике которых сам факт переговоров является проявлением слабости власти и ведёт к расширению базы протеста и ужесточению требований протестующих. В то же время властные структуры относительно легко идут на уступки, возможно, заранее закладывая их резервы в принимаемые решения.

Изменение политических ориентиров государства во втором из рассматриваемых периодов, на наш взгляд, подкрепляется несколькими группами аргументов. Экономические причины, в частности падение ВВП, истощение резервных фондов и др., вынуждают государство более жёстко использовать имеющиеся ресурсы, в частности, перекладывая значительную часть последствий кризиса на наёмных работников и оптимизируя собственные расходы. Подобная логика действий поддерживается и необходимостью структурных реформ, о которых настойчиво говорят представители «либерального крыла» в правительстве. Политическая аргументация, по-видимому, связана с тем, что социально-трудовые протесты пока что не рассматриваются как фактор, способный серьёзно нарушить политическую стабильность. В каждом конкретном случае подобные акции достаточно хорошо локализуются и практически не выходят за пределы одной отрасли, оставаясь в то же время на региональном уровне (с перспективой выхода на федеральный лишь в некоторых случаях). Характерны малое количество политических требований, затрагивающих системообразующие принципы политического устройства, равно как и ограниченная активность политических сил, которые могли бы возглавить протестное движение. С точки зрения аргументов социальной сферы подобные действия властей означают переход к внедрению новой социальной политики, принципиально отличной от предыдущих этапов, когда считалось необходимым сохранять неэффективные экономические структуры во имя социального мира.

Таким образом, ситуация в сфере политического управления социально-трудовыми конфликтами отражает не только проблемы, связанные с конкретными конфликтными ситуациями, но и более общие тенденции современной российской политики. При относительной успешности предпринимаемых мер государственным структурам, однако, не стоит полагаться на то, что при условии углубления кризиса подобна политика будет неизменно действенной. Как показывает и мировая, и российская практика, именно социально-трудовые конфликты вносят значительный вклад в рост социальной напряженности в обществе в период кризисных явлений.

Библиография/ References:

1. Артамонова М. В. Междисциплинарный взгляд на проблему управления трудовыми конфликтами в инновационной организации // Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие: Седьмая международная научная конференция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова: Сборник статей. – М.: Проспект, 2014. – С. 479–487.
2. Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в отечественной и зарубежной науке // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 4 (116). – С. 3–12.
3. Евтюхин Ю. А. Политическая забастовка как форма гражданского неповиновения // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 1–2. – С. 240–243.
4. Калмыкова О.Ю., Гагаринская Г.П. Управление конфликтами в организации и профилактика профессионального стресса работников // Вестник Самарского государственного технического университета. – 2013. №1 (7). – С. 120–130.
5. Кацва А. М. Протестное движение рабочего класса // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С. 38–42.
6. Козина И. М. Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – № 4. – С. 485–502.
7. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М., Микрюкова А. С. Отраслевые и региональные факторы регулирования социально-трудовых отношений в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. Управление. Вып. 10. – 2015. – № 1 (356).– С. 120 – 123.
8. Кузьмина А. А. Участие работников в управлении организацией как механизм предотвращения социально-трудовых конфликтов // Социально-трудовые конфликты в Российской Федерации: выявление, урегулирование, предотвращение: Материалы международной научно-практической конференции. 16–17 октября 2014 года, Санкт-Петербург. – СПб.: СПбГУП, 2014. – С. 70 – 71.
9. Лебедева Л. А. Управление трудовыми конфликтами в системе социально-трудовых отношений на предприятии: дис. канд. … экон. н. – М., 2014. – 179 с.
10. Медведева Т. А. Расширенный системный подход к исследованию социально-трудовых отношений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2013. – Т. 13. Вып. 2. – С. 195 – 203.
11. Резник С. Д., Копякова Т. И., Черницов А. Е. Исследование трудовых конфликтов на предприятии: структура и причины возникновения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2012. – № 48 (12). – С. 23 – 24.
12. Соловьев А. В. Политические аспекты регулирования социально-трудовых конфликтов: тенденции и противоречия: дис. … канд. полит. н. – М., 1999. – 232 с.

13. Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом») // Социологические исследования. – 1991. – № 3. – С. 39 – 47.

14. Шабанов Л. В., Антонова Е. Б. Соотношение экономического и политического факторов в трансформации социально-трудовых конфликтов современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 207 – 209.

15. Шиленко А. А. Роль профсоюзных организаций в профилактике социально-трудовых конфликтов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10. Ч. 1. – С. 209 – 215.

16. Щербаков И.Д. Конфликты в организации, причины их возникновения и способы разрешения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2014. – № 3. – URL: http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4610.

17. Avgar A. Negotiated capital: Conflict, its management, and workplace social capital // The International Journal of Conflict Management. – 2010. № 21(3). – P. 236–259.

18. Dixon M., Danaher W. F., Kail B. L. Allies, Targets, and the Effectiveness of Coalition Protest: A Comparative Analysis of Labor Unrest in the US South. Mobilization. – 2013. № 18 (3). – P. 331–350.

19. Honeyman C. Labor-Management Conflict. – URL: http://www.crinfo.org/coreknowledge/labor-management.

20. Jacobs D. and Dixon M. The Politics of Labor-Management Relations: Detecting the Conditions that Affect Changes in Right-to-Work Laws. Social Problems. – 2006. № 53. – P. 118–137.

21. Ka Wai Chan, Xu Huang and Peng Man Ng. Managers' conflict management styles and employee attitudinal outcomes: The mediating role of trust //Asia Pacific Journal of Management. – 2008. Vol. 25. № 2. – P. 277–295.

22. Lipsky D. B. and Avgar A. C. The conflict over conflict management // Dispute Resolution Journal. – 2010. № 65 (2–3). – P. 38–43.

23. Teitelbaum E. Introduction: The Political Management of Industrial Conflict. Mobilizing Restraint: Democracy and Industrial Conflict in Post-Reform South Asia. – Cornell UP, 2011. – P. 1–24.

24. Understanding the behavior and decision making of employees in conflicts and disputes at work. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32212/11-918-understanding-behaviour-employees-conflicts-at-work.pdf.

25. Workplace conflict and how businesses can harness it to thrive. – URL: https://www.cpp.com/pdfs/CPP_Global_Human_Capital_Report_Workplace_Conflict.pdf.

26. Workplace conflict management: awareness and use of the Acas Code of Practice and workplace mediation – A poll of business. – URL: http://www.acas.org.uk/media/pdf/8/s/0811_Workplace_conflict_poll.pdf.

27. Xiang Qian Zhang, Cai Yi, Xuan Liu and Le Xia. Research on labor relations based on the theory of conflict management // Journal of Chemical and Pharmaceutical Research. –2014. № 6 (1). – P. 369–374.

1. Artamonova, M. V. (2014) Mezhdistsiplinarnyi vzgliad na problemu upravleniia trudovymi konfliktami v innovatsionnoi organizatsii [Interdisciplinary look at the labor conflict management problem in an innovative organization] // Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Rossii: mezhdistsiplinarnoe vzaimodeistvie [The innovative development of Russian economy: the interdisciplinary interaction]: Sed'maia mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova: Sbornik statei. – M.: Prospekt. – P. 479–487. (In Russ.)

2. Dement'eva, I. N. (2013) Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniiu sotsial'nogo protesta v otechestvennoi i zarubezhnoi nauke [Theoretical and methodological approaches to the

study of social protest in the domestic and foreign science] // Monitoring obshchestvennogo mneniia [Monitoring of public opinion]. – 4 (116). – P. 3–12. (In Russ.)

3. Evtiukhin, Iu. A. (2015) Politicheskaia zabastovka kak forma grazhdanskogo nepovinoveniia [The political strike as a form of civil disobedience] // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – № 1–2. – P. 240–243. (In Russ.)

4. Kalmykova, O.Iu., Gagarinskaia, G.P. (2013) Upravlenie konfliktami v organizatsii i profilaktika professional'nogo stressa rabotnikov [Conflict management in the organization and occupational stress prevention workers] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Samara State Technical University]. – №1 (7). – P. 120–130. (In Russ.)

5. Katsva, A. M. (2008) Protestnoe dvizhenie rabochego klassa [The protest movement of the working class] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. –№ 3. – P. 38–42. (In Russ.)

6. Kozina, I. M. (2009) Rabochee dvizhenie v Rossii: anatomiia zabastovki [The labor movement in Russia: Anatomy of a strike] // Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki [Social Policy Studies Journal]. – № 4. – P. 485–502. (In Russ.)

7. Kolmakova, I. D., Kolmakova, E. M., Mikriukova, A. S. (2015) Otraslevye i regional'nye faktory regulirovaniia sotsial'no-trudovykh otnoshenii v sovremennykh usloviiakh [Sectoral and regional factors in the regulation of the present conditions of social and labor relations] // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Upravlenie. Vyp. 10 [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Management. Vol. 10.]. –№ 1 (356). – P. 120–123. (In Russ.)

8. Kuz'mina, A. A. (2014) Uchastie rabotnikov v upravlenii organizatsiei kak mekhanizm predotvrashcheniia sotsial'no-trudovykh konfliktov [Participation of employees in the management of the organization as a mechanism to prevent social and labor conflicts] // Sotsial'no-trudovye konflikty v Rossiiskoi Federatsii: vyiavlenie, uregulirovanie, predotvrashchenie [Social and labor conflicts in the Russian Federation: the identification, setting, prevention]: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–17 oktiabria 2014 goda, Sankt-Peterburg. – SPb.: SPbGUP. – P. 70–71. (In Russ.)

9. Lebedeva, L. A. (2014) Upravlenie trudovymi konfliktami v sisteme sotsial'no-trudovykh otnoshenii na predpriiatii [Managing labor conflicts in the system of social and labor relations in the enterprise]: dis. kand. … ekon. n. – M. – 179 p. (In Russ.)

10. Medvedeva, T. A. (2013) Rasshirennyi sistemnyi podkhod k issledovaniiu sotsial'no-trudovykh otnoshenii [Advanced systems approach to the study of social and labor relations] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences].–T.13.–Vyp.2.–P.195–203.(In Russ.)

11. Reznik, S. D., Kopiakova, T. I., Chernitsov, A. E. (2012) Issledovanie trudovykh konfliktov na predpriiatii: struktura i prichiny vozniknoveniia [Investigation of labor conflicts at the company: the structure and causes of] // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal [Economic systems management: an electronic scientific journal]. – № 48 (12). – P. 23–24. (In Russ.)

12. Solov'ev, A. V. (1999) Politicheskie aspekty regulirovaniia sotsial'no-trudovykh konfliktov: tendentsii i protivorechiia [The political aspects of the regulation of social and labor conflicts: trends and contradictions]: dis. … kand. polit. n. – M. – 232 p. (In Russ.)

13. Teoreticheskie problemy sotsial'no-trudovykh konfliktov (obsuzhdenie za «kruglym stolom») [Theoretical problems of social and labor conflicts (for a discussion of the "round table")] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. – № 3. – P. 39–47. (In Russ.)

14. Shabanov, L. V., Antonova, E. B. (2015) Sootnoshenie ekonomicheskogo i politicheskogo faktorov v transformatsii sotsial'no-trudovykh konfliktov sovremennoi Rossii [The ratio of economic and political factors in the transformation of social and labor conflicts of modern Russia] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.

[Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions theory and practice]. –№ 2. Ch. 2. – P. 207–209. (In Russ.)

15. Shilenko, A. A. (2014) Rol' profsoiuznykh organizatsii v profilaktike sotsial'no-trudovykh konfliktov [The role of trade unions in the prevention of social and labor conflicts] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions theory and practice]. – № 10. Ch. 1. – P. 209–215. (In Russ.)

16. Shcherbakov, I.D. (2014) Konflikty v organizatsii, prichiny ikh vozniknoveniia i sposoby razresheniia [Conflicts in the organization, their causes, and ways to resolve] // Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii [Economy and management of innovative technologies]. – № 3. – URL: http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4610 (In Russ.)